

ную пользу, особенно студентам и аспирантам, и в этом смысле полезна и данная книга А. В. Десницкой. Книга станет еще полезнее тогда, когда автор устранил те недостатки, о которых речь была выше; из них самым существенным недостатком является искаженная и во многом несправедливая характеристика современного зарубежного сравнительно-исторического языкознания.

Э. А. Макаев

W. Kuraszkievicz. *Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych*. — Warszawa, Państwowe wyd-wo naukowe, 1954. 146 стр., 4 карты.

Рецензируемая работа представляет собой учебное пособие по диалектологии восточнославянских языков, предназначенное для студентов-славистов. По мысли автора, его книга должна быть доступна по изложению не только студентам, научно изучающим тот или иной славянский язык, но и неспециалистам, так или иначе заинтересованным вопросами диалектологии. Тем не менее задачей автора было не простое перечисление своеобразий восточнославянских языков, но и сопоставление этих языков, а также показ их развития «во времени и пространстве» (стр. 7). Поэтому автор стремился так отобрать и интерпретировать материал, чтобы читатель получил минимум знаний, необходимых для изучения исторической грамматики любого из восточнославянских языков. Рецензируемое пособие должно представлять собой, по замыслу автора, как бы введение в историческую грамматику каждого из восточнославянских языков и тем самым сообщать необходимые сведения для начального знакомства со сравнительной грамматикой и диалектологией славянских языков вообще.

Книга В. Курашкевича состоит из двух частей. В первой части дается характеристика восточнославянских языков и их диалектов, во второй части приводятся диалектные тексты. Первая часть состоит из четырех разделов. В первом разделе автор говорит о древнейших языковых чертах, свойственных всем восточнославянским языкам. Во втором разделе дается более или менее подробная характеристика литературных восточнославянских языков. В третьем, наиболее обширном разделе дается характеристика диалектов восточнославянских языков, а в четвертом — общий очерк развития восточнославянских языков в их диалектах.

Во второй части книги приводятся диалектные тексты, частью перепечатанные из других пособий, частью представляющие собой собственные записи автора. В конце помещен небольшой словарь слов, встречающихся в текстах, и четыре диалектологические карты, воспроизводящие карты, опубликованные в 1927 г. Н. Н. Дурново¹; автор лишь дополнил их некоторыми более новыми сведениями.

Рецензируемая работа — учебное пособие, поэтому она должна быть оценена с двух точек зрения. Во-первых, материал книги должен быть верным и точным, а его интерпретация должна строго соответствовать современному уровню науки о русском, украинском и белорусском языках и об их диалектах. Во-вторых, изложение книги должно быть четким, стройным и последовательным, оно должно максимально облегчать усвоение изложенных в ней сведений.

В первой части книги больше всего места уделено русскому литературному языку и русским говорам, материал остальных восточнославянских языков привлечен в меньшем объеме. Во второй части соотношение материала иное: автор отдал предпочтение украинским текстам, которые он записывал лично. Благодаря этому соотношение материала по восточнославянским языкам в двух основных частях книги разное.

План изложения материала в книге, о котором говорилось выше, выдерживается не вполне последовательно. Своё изложение автор начинает с описания русского литературного языка, но все время перебивает его сравнением с украинским и белорусским литературными языками, а также различными экскурсами в область русской, украинской и белорусской диалектологии. Стройность изложения и единство принципа подачи материала при этом нарушаются. Например, на стр. 21—22 (в разделе о литературном русском языке) говорится об аканье, но тут же автор говорит и об аканье в белорусском языке, а также об отсутствии аканья в украинском языке; все эти рассуждения сопровождаются также ссылками на последующие страницы, посвященные белорусскому и украинскому языкам. Получается так, что об одном и том же явлении один раз говорится предварительно, а потом окончательно. Последовательность изложения от этого про-

¹ Н. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. I — Источники, Brno, 1927.

игрывает. Выразительным примером «недифференцированной» подачи материала может служить изложение сведений о личных местоимениях в русском литературном языке (стр. 27). В одном абзаце приводится материал по всем восточнославянским языкам и по их говорам.

Такая подача материала не дает возможности отчетливо противопоставить друг другу характерные черты русского, украинского и белорусского языков. Восточнославянские языки, и без того очень близкие друг другу, в рецензируемой книге теряют четкость своих контуров, сливаются в процессе изложения друг с другом по ряду черт. В учебном пособии, каким является данная книга, это нежелательно. Впрочем такое изложение отчасти объясняется характером работы, которая, как уже говорилось выше, по мысли автора, должна подводить учащихся к освоению сравнительной грамматики восточнославянских языков и их диалектов.

В рецензируемой книге сжато изложены фактические сведения о восточнославянских литературных языках и о важнейших диалектах этих языков. Обобщая материал, автор делает вывод, что в каждом из восточнославянских языков имеется два основных диалекта — северный и южный, между которыми (в каждом восточнославянском языке) тянется полоса переходных говоров, образовавшихся в результате взаимодействия основных диалектов (стр. 77). В данном вопросе В. Курашкевич повторяет точку зрения Н. Н. Дурново, изложенную последним в книге «Введение в историю русского языка»¹. Вопрос о количестве основных диалектов в каждом из восточнославянских языков тесно связан с проблемой переходных говоров в каждом из них. Эту проблему автор решает несколько упрощенно и в традиционном плане, без учета новейшей литературы по данному вопросу, что можно проиллюстрировать на примере интерпретации автором соответствующего материала по русскому языку.

Средневеликорусские говоры В. Курашкевич рассматривает как такие, которые имеют северовеликорусскую основу и южновеликорусское (или белорусское) наслоение (стр. 46 и 64—65), повторяя определение этих говоров, данное авторами «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе»².

Такое определение средневеликорусских говоров с точки зрения их генезиса хотя и соответствует действительной структуре большинства этих говоров, что подтверждается и новейшими исследованиями³, однако является неполным и не охватывает всего их современного многообразия.

Авторы «Опыта» квалифицируют говор как средневеликорусский, если в нем совмещаются такие черты, как *з* взрывное и *аканье*⁴. Распространение этих двух черт определяет собой северную и южную границы территории средневеликорусских говоров. То же определение территории распространения средневеликорусских говоров находим и в рецензируемой книге (стр. 64). Однако уже в «Опыте» было указано, что существуют средневеликорусские говоры с *γ* фрикативным⁵. Н. Н. Дурново во «Введении в историю русского языка» отмечает, что некоторые средневеликорусские говоры, так называемые «мещерские», имеют такие черты, как *-m'* в 3-м лице глаголов и *γ* фрикативное, т. е. черты, характерные для южновеликорусских говоров (стр. 141). Детальное изучение некоторых мещерских говоров позволило определить их как южновеликорусские по основе и севернорусские по наслоению (в противоположность тому, что указано в «Опыте»)⁶.

В последнее время некоторые исследователи квалифицируют говор как средневеликорусский не только в том случае, если в нем совмещаются *аканье* и *з* взрывное, но и при любой комбинации в нем северновеликорусских и южновеликорусских черт⁷. Подобное понимание средневеликорусских говоров значительно расширяет их состав и позволяет отнести к их числу такую значительную группу говоров, как тульская, которая, как это уже отмечалось исследователями, вообще выделяется целым рядом черт из состава южновеликорусского наречия⁸.

¹ См. Н. Н. Дурново, указ. соч., стр. 99.

² См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915, стр. 32.»

³ См., например, В. Н. Сидоров, О происхождении умеренного *яканья* в среднерусских говорах, ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 2: его же, Об одной разновидности умеренного *яканья* в среднерусских говорах, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», II, М., 1952.

⁴ См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, указ. соч., стр. 33.

⁵ Там же, стр. 33—34.

⁶ См.: Р. И. Аванесов, Очерки диалектологии рязанской мещеры. I — Описание одного говора по течению р. Пры, в кн. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, М.—Л., 1949.

⁷ См. П. С. Кузнецов, Русская диалектология, М., 1951, стр. 117.

⁸ См.: Н. Дурново, указ. соч., стр. 137; Р. И. Аванесов, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 148—149.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что понимание процесса образования средневеликорусских говоров не может считаться определившимся во всех деталях, однако несомненно, что формула «северновеликорусская основа и южновеликорусское наслоение» не охватывает всего многообразия существующих средневеликорусских говоров и не разъясняет всей сложности исторических путей их формирования.

В настоящее время все настойчивее подчеркивается мысль о том, что при изучении средневеликорусских говоров внимание исследователя должно концентрироваться не на выяснении несколько абстрактной проблемы об их основе и наслоении, а на анализе конкретно-исторических условий образования этих говоров¹.

Конечно, в рецензируемой книге нельзя, да и не нужно входить во все детали данного вопроса, однако работы советских диалектологов должны были бы заставить автора менее категорично пользоваться формулами и определениями авторов «Опыта», написанного сорок лет тому назад.

В украинском и белорусском языках В. Курашкевич тоже различает по два наречия с переходными говорами между ними. Вопрос о количестве диалектов в каждом из этих языков не является еще окончательно решенным. Тем не менее имеющиеся материалы, особенно собранные в процессе подготовки диалектологических атласов этих языков, позволяют выделить основные диалекты хотя бы в предварительном порядке. Так, например, в украинском языке намечаются три основные группы диалектов: северная, юго-западная и юго-восточная².

Нет единого мнения и в вопросе деления белорусских говоров. Е. Ф. Карский делит их, в зависимости от характера произношения звука *р*, на твердые и мягкие. Авторы «Опыта» делят белорусские говоры тоже на две группы, но уже в зависимости от типа яканья, диссимилативного или недиссимилативного, в связи с чем группы говоров, намечаемые Е. Ф. Карским, не совпадают территориально с группами говоров, предложенными авторами «Опыта». Как показывают работы, опубликованные в последнее время, накопленные для диалектологического атласа материалы позволяют говорить о трех группах белорусских говоров: северо-восточной, центральной и южной³.

На территории распространения белорусского языка автор выделяет пояс переходных говоров (Минск—Могилев — Гомель — Новозыбков — Чернигов), принимая во внимание лишь одну языковую черту: наличие или отсутствие окончания *-ч'* в 3-м лице глаголов в зависимости от наличия или отсутствия ударения на окончании и независимо от типа спряжения (например: *n'as'éc'*, *b'aréc'*, но *m'ela*, *búdz'e*, *nós'e*, стр. 74).

Говоры, имеющие данную черту, действительно отмечены, например, в Минской и Могилевской областях, однако в пределах тех же областей отмечены и говоры, в которых употребляются формы 3-го лица единственного числа, имеющие окончание *-ч'*, хотя передо и наряду с формами без окончания от одних и тех же глаголов⁴. Поэтому наличие тех или иных форм 3-го лица единственного числа глаголов еще не может служить основанием для классификации говоров как переходных. Вообще же вопрос о переходных говорах белорусского языка не только не решен, но еще и не поставлен, так как материала для этого недостаточно, что и следовало указать. Рассуждения автора рецензируемой книги на эту тему кажутся необоснованными.

Итак, мы видим, что при рассмотрении вопроса о классификации диалектов восточнославянских языков, а также и других вопросов, тесно связанных с предыдущим (например, о переходных говорах русского и белорусского языков), автор не учел в должной мере появившиеся в последние годы работы советских диалектологов. Основной труд, на который опирается, — это «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». Этот труд составил в свое время эпоху в восточнославянской диалектологии,

¹ См. Р. И. Азанисов, Вопросы образования русского языка., главы IX—XII.

² Ф. Т. Жилко, Украинская диалектология, Киев—Львов, 1951, стр. 21—22 [на укр. яз.]; «Курс современного украинского литературного языка», под ред. Л. А. Булаховского, т. I, Киев, 1951, стр. 8—11 [на укр. яз.].

³ См. Ю. Ф. Мацкевич, Наилейшие вопросы белорусской диалектологии, «Труды Ин-та языкознания АН БССР», вып. II, Минск, 1954; Н. Т. Войтович, О диалектной основе современного белорусского литературного языка, ВЯ, 1954, № 4. См. также П. И. Галаганович, К вопросу о народно-диалектной основе современного белорусского национально-литературного языка (Говоры Минского района Минской области). Автореф. канд. дисс., Минск, 1954.

⁴ Ю. Ф. Мацкевич, Некоторые формы глагола по материалам диалектологического атласа белорусского языка, «Труды Ин-та языкознания АН БССР», вып. I, Минск, 1954, стр. 60—64.

но он в значительной мере дополнен и исправлен последующими довольно многочисленными работами.

Среди ученых-русов нет до настоящего времени единой точки зрения и относительно древнейшей группировки восточнославянских диалектов. Как известно, наиболее развернутое рассмотрение этого вопроса находим у А. А. Шахматова, который предполагал для эпохи, предшествовавшей историческому периоду, наличие трех племенных и соответственно трех диалектных групп. Эта точка зрения подверглась в свое время обстоятельной критике со стороны Т. Лер-Силавинского, который указывал, что в исследуемый период было не три, а две диалектные группы — северная и южная¹. Этой же проблеме посвящена большая статья Н. Трубецкого, который, принимая основное положение Т. Лер-Силавинского (две диалектные группы в дописьменный период), не соглашался с ним лишь по отдельным частным вопросам².

Как и Т. Лер-Силавинский, Н. Трубецкий тоже отрицательно отнесся к концепции А. А. Шахматова, считая, что она не опирается ни на исторические факты, ни на языковой материал. Статья Н. Трубецкого вызвала, в свою очередь, ряд возражений со стороны А. М. Селищева³, который отводил некоторые аргументы автора статьи, направленные против концепции А. А. Шахматова.

В своей большой упоминавшейся выше статье Р. И. Аванесов⁴, подвергнув критическому анализу концепцию А. А. Шахматова, подобно Т. Лер-Силавинскому и Н. Трубецкому, не соглашается с этой концепцией и выдвигает свою точку зрения. Он считает, что предисторическая эпоха характеризовалась не наличием трех или двух больших и цельных в территориальном отношении компактных групп, а сосуществованием многочисленных и близких друг другу племенных диалектов. В своей последней статье на ту же тему Р. И. Аванесов пишет, что предложенная им концепция языкового состояния предисторической эпохи нуждается в коррективах⁵.

Таким образом, проблема древнейшего диалектного членения восточнославянских языков и формирования отдельных восточнославянских языков ни в какой степени не может считаться окончательно разрешенной. Поэтому при изложении соответствующих разделов книги автору следовало бы учесть современное состояние данной проблемы. Конечно, в учебном пособии не нужно излагать проблему во всей ее сложности, приводя спорные и противоречащие друг другу точки зрения, но нерешенность основных вопросов проблемы обязывала к значительно большей осторожности изложения.

Развитие восточнославянских языков представляется автору как замкнутый в себе, имманентно развивающийся процесс, который излагается им вне связи с конкретной историей носителей данных языков. Характерно в этом отношении такое общее высказывание В. Курашкевича: «Вообще можно сказать, что восточнославянские говоры от Карпат до Белого моря и Урала развивались естественным образом — волнообразно» (стр. 78). Продолжая этот «естественный» ход развития восточнославянских языков и их говоров на указанной территории, автор совершенно отрывается от конкретно-исторической почвы, забывая, что подобное волнообразное развитие немислимо предположить для подавляющего большинства диалектных черт, потому что эти черты развились еще до того времени, когда один из восточнославянских языков распространился «до Белого моря и до Урала».

Кроме того, признание волнообразного развития, например, русского языка и его диалектов требует одновременного признания того, что на всей современной территории распространения русского языка и его диалектов уже в эпоху формирования этого языка было население, говорившее на данном языке, потому что представить себе волнообразное распространение тех или иных языковых черт вне среды носителей языка невозможно. Процессы формирования данного языка и его территориального распространения тесно связаны с различными фактами перемещения носителей этого языка, имевшими место в их истории, поэтому всю проблему в целом можно изучать только конкретно-исторически. Само собой разумеется, что характер рецензируемой книги не позволяет давать развернутые исторические справки, однако те конечные сведения, которые приводит автор, должны быть сформулированы с учетом истории того народа, о языке которого идет в данном случае речь.

¹ См. T. L e h r - S p l a w i ń s k i, Stosunki pokrewieństwa języków ruskich, «Rocznik slawistyczny», t. IX, część 1, Kraków, 1921.

² N. T r u b e t z k o y, Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit, «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. I, Heft 3—4, 1925.

³ А. С е л и щ е в, Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, «Slavia», ročn. VII, seš. 1, 1928.

⁴ Р. И. А в а н е с о в, Вопросы образования русского языка в его говорах.

⁵ См. Р. И. А в а н е с о в, Проблемы образования языка русской (великорусской) народности, ВЯ, 1955, № 5, стр. 20—21.

Намечая широкую картину территориального распространения восточнославянских языков, автор указывает в дальнейшем, что один из этих языков граничит с неславянскими языками: «На севере и востоке Европы, а также в Сибири живут довольно многочисленные группы неславянских народностей (угро-финская, урало-алтайская, тюрко-татарская, монгольская), языки которых смешиваются главным образом с севернорусскими говорами, обогащая лексику этих говоров и вводя в их грамматическую систему новые явления, не свойственные славянским языкам» (стр. 9).

В приведенном небольшом высказывании В. Курашкевича содержится несколько весьма ответственных утверждений, каждое из которых требует специальных замечаний. Отметим прежде всего, что при взаимоотношении русского языка с другими языками фактически происходит не смешение языков, а переход носителей этих языков к русской речи. Фонетические явления, возникающие при этом переходе к русскому языку, имеют весьма узкое распространение (ср., например, так называемое «сладкоязычие» в некоторых сибирских говорах) и, кроме того, являются весьма неустойчивыми и легко поддающимися нивелировке, что было отмечено еще А. М. Селищевым¹.

Что касается грамматических особенностей русского языка, возникающих под влиянием иноязычного субстрата, то автор не указывает ни одной такой конкретной черты. В качестве же черт, относительно которых он считает возможным сказать, что они возникли в результате иноязычного влияния, автор указывает такие обороты, как у него было *уезано*, он *пришедши*, *надо вода носить* (стр. 54—55). Подобные утверждения не имеют никакой доказательной силы, так как специальные исследования, обосновывающие их, отсутствуют.

Повидимому, характером рецензируемой книги объясняется некоторая категоричность изложения, при которой ряд положений подается как прочно вошедший в науку результат исследования; другие взгляды на тот же вопрос во внимание не принимаются. Примеры подобного изложения приводились выше, укажем еще некоторые. В числе характерных черт северновеликорусского наречия автор называет и наличие постпозитивного члена, аналогичного члену в болгарском языке (стр. 54). Эту черту автор даже называет одной из важнейших особенностей северновеликорусских говоров. Он указывает также, что, по мнению некоторых ученых, наличие в этих говорах члена представляет собой след воздействия финского субстрата.

Не говоря уже о неправомерности аналогии с болгарским языком, где действительно представлена система употребления определенного члена, можно указать, что грамматическая квалификация постпозитивной местоименной частицы как члена вообще подвергается сомнению. Работы последнего времени с достаточной убедительностью показывают, что постпозитивная местоименная частица *то* (и ее варианты) является по говорам именно частицей и ничего общего не имеет с грамматической категорией члена².

Неточно утверждение автора и о том, что сохранение звонкости согласных на конце слова и перед глухими свойственно только украинскому языку, за исключением некоторых его говоров. Заметим, что и сам автор указывает на наличие данного явления в некоторых белорусских говорах. Неоглушение звонких согласных известно, однако, и в русских говорах, правда, немногочисленных. Такие говоры в свое время были отмечены Н. Виноградовым в б. Костромской губ.³ В процессе собирания материалов для диалектологических атласов сохранение звонкости согласных в указанных положениях было обнаружено в некоторых муромских говорах⁴. Известны также говоры и в других местах, например в Поволжье.

В итоге можно сказать, что утверждение автора о распространении данного явления только в украинском языке справедливо лишь в отношении литературных восточнославянских языков. В отношении же указанных языков как совокупности говоров это утверждение является неточным.

¹ А. Селищев, Русский язык у инородцев Поволжья, «Slavia», гош. IV, сеš. 4, 1925.

² См., например, В. И. Кольцов, К вопросу о «постпозитивном члене» в русском языке, «Ученые записки [Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена]», т. 92, Кафедра русского языка, 1954. Подробно рассмотрев этот вопрос на большом материале, почерпнутом из литературного языка, диалектов, а также из памятников письменности, автор приходит к выводу, что «постпозитивного члена в смысле статьи западноевропейских языков и члена болгарского или греческого языков в русском языке не было и нет» (стр. 150). См. также литературу вопроса, приведенную в этой работе.

³ Н. Виноградов, О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда, ч. I — Фонетика, сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 8, СПб., 1904.

⁴ В. И. Тагунова, О сохранении звонких согласных на конце слова и перед глухими в муромских говорах, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», IV, М., 1953.

Не соответствует действительности утверждение автора, что в рязанско-тамбовских говорах господствует сильное яканье (стр. 58). Эта точка зрения основана на соответствующих высказываниях авторов «Опыта» о том, что для восточной (или рязанской) группы южновеликорусских говоров (В. Курашкевич называет их рязанско-тамбовскими) характерен именно данный тип яканья¹. Это утверждение авторов «Опыта» было основано на трудах Е. Ф. Будде, которые в советской диалектологии были подвергнуты суровой и справедливой критике². Основой для этой критики послужили диалектологические материалы, собранные во время обследований последних лет, главным образом в связи с работой над диалектологическими атласами. Эти обследования показали, что сильное яканье в рязанско-тамбовских говорах распространено весьма незначительно. Фактически в них преобладают различные виды яканья ассимилятивно-диссимилятивного, для констатации которого требуется собрать значительный по объему материал. При отсутствии последнего и можно прийти к неправильному заключению о распространении в указанных говорах сильного яканья (как это и имело место в работах Е. Ф. Будде). Правда, большинство новых материалов еще не опубликовано и поэтому не могло быть известно В. Курашкевичу, однако за последнее время все же появилось несколько работ о рязанских говорах, на основании которых следовало бы гораздо осторожнее говорить о значительном распространении сильного яканья в названных говорах, особенно в говорах рязанских, где сильное яканье отмечено в совершенно единичных населенных пунктах³.

Неверно и противоречиво утверждение автора о том, что для белорусского литературного языка так же, как и для некоторых южнобелорусских говоров, характерна твердость согласного основы глагола 1-го лица множественного числа I спряжения: *набём, идём, плябём, грызём* и т. д. — по аналогии с 1-м лицом единственного числа (стр. 74). Для белорусского литературного языка характерны формы *набём, идём, плябём* и т. д., о чем сам же автор и пишет на стр. 41⁴.

Формы *пичём, бярём* и т. п., отмечаемые в южнобелорусских говорах, нет необходимости объяснять аналогией с 1-м лицом единственного числа, так как все шипящие и *р* в этих говорах всегда тверды.

Учитывая учебный характер книги, автор многое излагает очень сжато, конспективно, но по большей части содержательно. Однако некоторые важные явления восточнославянской диалектологии освещены недостаточно. Это относится, в частности, к такому важному явлению южновеликорусского и белорусского вокализма, как диссимилятивное яканье. Термин «яканье» автор употребляет в фонологическом значении и в широком смысле как неразличение в первом предударном слоге гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных. Именно так употребляется этот термин, например, при описании диссимилятивного яканья в белорусском языке (стр. 73). Автор говорит о диссимилятивном яканье белорусского типа, понимая под ним, судя по примерам, и яканье в узком смысле (*pam'iz', hafas'ŭ, padŭel', vazok* и др.; *vudd', halyud* и др.), и яканье жиздринского типа (*n'asu, p'asok* и др.; *n'isla, p'ita* и др.).

Такой метод подачи материала неудобен и может привести к неверному выводу о том, что диссимилятивное яканье и диссимилятивное яканье жиздринского типа всегда сосуществуют друг с другом. Между тем по говорам русского языка диссимилятивное яканье может сочетаться с любым типом диссимилятивного яканья (или также с диссимилятивно-умеренным или умеренно-диссимилятивным); такие говоры широко распространены, например, в Курской области. Наличие подобной связи, видимо, свидетельствует о том, что в говорах с наиболее непоколебленной системой вокализма диссимилятивность представлена в положении как после твердых, так и после мягких согласных. Однако по говорам диссимилятивное яканье возможно также в сочетании с яканьем. Сочетание диссимилятивного яканья с яканьем можно наблюдать, например, в языке той части интеллигенции, которая происходит из местно-

¹ См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, указ. соч., стр. 30.

² См. С. С. Высотский, Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в световых данных, «Бюлл. Диалектолог. сектора Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 6, М.—Л. 1949.

³ См. карту распространения ассимилятивно-диссимилятивного яканья в рязанских говорах, опубликованную в статье Р. И. Аванесова «Лингвистическая география и история русского языка» (ВЯ, 1952, № 6, стр. 32). О рязанских говорах см. также: В. Н. Сидоров, Наблюдения над языком одного из говоров рязанской меры, в кн. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I; И. А. Оссовецкий, К диалектологии говоров Рязанской области, «Бюлл. Диалектолог. сектора Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 5, М.—Л., 1949; О. Н. Моряховская, Говоры Мещерского края. Автореф. канд. дисс., М., 1951; О. Г. Гедова, Говор села Катагощи. Автореф. канд. дисс., М., 1952.

⁴ См. также Т. П. Ломтев, Белорусский язык, [М.], 1951, стр. 101—102.

стей, где распространено диссимилативное аканье в сочетании с тем или иным типом диссимилативного яканья. Последнее как резкая диалектная черта изгибается быстро, а диссимилативное аканье, которое довольно трудно заметить неспециалисту, продолжает сохраняться в языке этой интеллигенции в почти не поколебленном виде. В единичных говорах диссимилативное аканье сочетается даже с сильным яканьем (например, в западной части Брянской области), однако в этих случаях можно заметить, что сильное аканье представляет собой более позднее явление. Обычно в этих говорах отмечают следы диссимилативного яканья, что опять-таки свидетельствует о более широком распространении диссимилативного принципа в этих говорах в прошлом.

Практически гораздо удобнее рассматривать диссимилативное аканье отдельно от диссимилативного яканья, потому что между ними нет параллелизма; классификация диссимилативного яканья очень сложна, тогда как до недавнего времени был известен всего лишь один тип диссимилативного аканья. В большинстве говоров связь между диссимилативным яканьем и диссимилативным аканьем заключается, повидимому, лишь в факте диссимилиции.

В наиболее «чистом» виде взаимная зависимость диссимилативного аканья и диссимилативного яканья представлена в некоторых говорах, расположенных в южной части Курской области. В этих говорах наряду с диссимилативным яканьем обоим-ского типа отмечен архаический тип диссимилативного аканья, представляющий собой полную параллель к вокализму первого предударного слога после мягких согласных¹.

Совсем не уделил автор внимания говорам, в которых в первом предударном слоге отмечен переходный окающе-окающий вокализм, т. е. таким говорам, где представлены разные ступени перехода от аканья к оканю. Во время собрания материалов для диалектологического атласа несколько типов такого вокализма были установлены в псковских говорах.

Остановлюсь на некоторых вопросах частного порядка.

Называя черты, свойственные восточно- и западнославянским языкам в отличие от южнославянских, автор упоминает начальные группы *ro-, lo-* (из **ort-, *olt-* с циркумфлексной интонацией): *рост, локоть* и т. п. (стр. 12). В русском языке, пишет автор, обобщилось церковнославянское, т. е. южнославянское произношение (*работа, расти* и т. п.). Если это утверждение бесспорно для примеров типа *разум, разный*, то примеры типа *работа, расти* непоказательны, так как в данном случае, возможно, мы имеем дело с отражением аканья в орфографии.

На стр. 21 автор утверждает, что в русском литературном языке гласные *а* и *е* после мягких согласных в первом предударном слоге произносятся как *и*: *p'ir'id nām'i, p'ir'ir'izū, p'isat'* и т. п. Это не совсем так: в русском литературном языке в этих случаях произносят звук средний между *и* и *е*, произношение же с *и* носит оттенок просторечия².

Характеризуя восточнославянское ударение (стр. 14), автор указывает некоторые различия между русским, украинским и белорусским языками: русск. на *гору, під носом, пржижл, бтдал* и укр. (и белорусск.) на *гору, під носом, пржижл, віддал*; русск. и укр. *земля — а́емля, нога — нѳгу* и белорусск. *а́емля — а́емля, на́га — на́гу* и т. д. Такое четкое противопоставление можно провести лишь на материале фактов литературных языков. Если же учитывать материал говоров, например русских, то так четко наметить различия между восточнославянскими языками, как это сделано в книге, не удастся³.

В разных значениях употребляет автор термин «инавизм». На стр. 35 инавизмом называется произношение звука *и* вместо *е* или *э* в новых закрытых слогах в украинском языке: *сія — со́я, від — ве́ду* и т. п. В данном случае этим термином обозначается одно из явлений ударного вокализма. В том же значении этот термин употреблен и на стр. 37. На стр. 59 инавизмом называется произношение звука *и* перед ударным *а* в русских говорах с диссимилативным аканьем жвадринского типа (*b'idā, v'isnī*), т. е. этим термином обозначается уже явление предударного вокализма, и не в украинском, а в русском языке.

Употребляет автор и термин «инавье» (стр. 21, 57), которым обозначает совпадение гласных неверного подъема в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке *и* (*p'itak, s'ila, r'ika* и т. п.).

Не показателен для процесса перехода *е* в *и* под ударением перед твердыми согласными пример *сѳдрі — сѳдра* (стр. 17), потому что это слово имеет в корне

¹ Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского вокализма, ВЯ, 1955, № 4.

² См. Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение, М., 1954, стр. 42.

³ См., например, Н. А. Мещерский, Южнорусские диалекты на северо-западе Чкаловской области, «Вюл. Диалектолог. сектора Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 5, стр. 85.

этимологический *ъ* (ср. польск. *wiadro*). В этом слове *'o* появилось не фонетически, а в результате аналогии.

На стр. 35 автор говорит, что в современных русском и белорусском языках на месте праславянского *ѣ* произносится *е*; это утверждение автор иллюстрирует примерами *снег, место* и т. п., а также *слабѣй, гнездѣ, стѣнѣ*, смешивая ударные и безударные позиции, хотя по говорам судьба *ѣ* в этих позициях может быть различной.

Автор утверждает, что в современном украинском языке (кроме некоторых архаичных говоров) старое *і* совпало с *у(и)* (стр. 35). Такое утверждение неточно: современное украинское *и* — это звук передне-среднего ряда средне-высокого подъема; исторически в этом звуке совпали давние *и* и *ы*¹.

На стр. 17—18 автор говорит о рефlekсах **tj, *dj, kt'* в языке восточных славян и в числе других (верных) примеров приводит *помощь*, т. е. слово с южнославянский огласовкой (ср. русск. *помочь*, польск. *pomóc*).

*

Во второй части рецензируемой книги помещены диалектологические тексты, среди которых, как уже говорилось выше, непропорционально большое место занимают тексты украинские. Тексты подобраны продуманно, они дают достаточный иллюстративный материал и могут послужить хорошим пособием для практических занятий по восточнославянской диалектологии. К текстам приложен небольшой двуязычный словарь. Конечно, этот словарь не может претендовать на необходимую полноту или хотя бы даже на охват необходимого минимума слов, подбор которых в известной мере случаен в том смысле, что некоторых трудных для понимания слов в нем нет, а некоторые слова не было необходимости помещать, так как они и без словаря понятны польскому читателю (например, *бизуи, малиц* и др.). Вообще же словарь не вызывает каких-либо замечаний. Отмечу только некоторые неверные переводы: *zapór* значит «передник», «фартук»², а не *zaszczerka*; *musnoj čulan* — «мучной чулан»³ (помещение, где хранится мука), а не «уголок для мусора» (*kąciak na śmiecie*); *bagór* переведено *torór* («топор»), *naprzeciw* — *naprzeciw* («напротив»), *skuroditi* — *grabie* и др.

Четыре диалектологические карты, помещенные в конце книги, послужат хорошим пособием при усвоении курса восточнославянской диалектологии. Однако эти карты отражают те представления о территориальном размещении говоров или отдельных диалектных черт, которые уже не в полной мере соответствуют действительной локализации разных говоров или тех или иных диалектных черт на территории распространения русского, украинского и белорусского языков. После многолетней работы над диалектологическими атласами территориальное распространение очень многих диалектных черт восточнославянских языков выявлено достаточно точно. К сожалению, все эти сведения до выхода в свет диалектологических атласов недоступны широкому кругу специалистов, которым приходится пользоваться в значительной степени устаревшими данными. В настоящее время можно указать лишь на отдельные статьи, освещающие итоги работы над диалектологическими атласами.

Книга В. Курашкенича — это прежде всего учебное пособие, и как таковое оно соответствует требованиям, которые предъявляются к подобного рода изданиям. Решение проблем восточнославянской диалектологии далеко выходит за рамки рецензируемой книги; в ней должно иметь место лишь простое и ясное изложение материала и тех выводов, которые стали прочным достоянием науки. За некоторыми исключениями (о большинстве которых говорилось выше) автор именно так и поступает. Это делает его работу полезным вкладом в учебную литературу по одному из разделов науки о славянских языках.

И. А. Оссовецкий

¹ См. «Курс современного украинского литературного языка», т. I, стр. 160.

² См. В. [И.] Д а л ь, Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд., т. I, СПб.—М., 1903, стр. 1534.

³ См. В. [И.] Д а л ь, Толковый словарь... т. IV, СПб.—М., 1909, стр. 1375.